

18+

ПОЭМА В ПРОЗЕ

**ПО ЗОВУ
ИЛИАДЫ**

ПАВЕЛ АГЕЕВ

Павел Агеев

По зову Илиады. Поэма в прозе

«Издательские решения»

Агеев П.

По зову Илиады. Поэма в прозе / П. Агеев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-550500-2

Автор вдохновился кинолентой «Троя», проникся судьбами героев и искал ответы, которые остались за кадром: кем и для кого была изготовлена диадема Елены? Какую мистическую тайну она хранит? Как археолог-самоучка через тысячи лет отыскал золото Трои по книге «Илиада» и какая участь той находки?.. Обо всем этом строки путешествия. Приятного прочтения.

ISBN 978-5-00-550500-2

© Агеев П.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
По зову Илиады Поэма в прозе	7
Конец ознакомительного фрагмента.	46

По зову Илиады
Поэма в прозе
Павел Агеев

Павел Агеев *Дизайнер обложки*

© Павел Агеев, 2024

© Павел Агеев, дизайн обложки, 2024

ISBN 978-5-0055-0500-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эту поэму я написал после просмотра фильма «Троя» и документального фильма «Тайные знаки – Троянская диадема. Месть обманутых богов».

Мечта – она как женщина! Желает казаться недостижимой, по-своему капризна и любит тех, кто добивается с ней свидания!

По зову Илиады Поэма в прозе

Жаром объята пустыня,
Солнце раскаляет песок;
Золотые волнистые линии
Искусно перекачивает ветерок.

Это родина миражей
И затерявшегося эха,
Где оазисом зацвёл сюжет,
И вскрикнул восторг успеха.

Ветерок покачивал палатку
И вскользь гладил её,
А в ней золото в беспорядке
Блестело алчным огнём.

Мужчина нервно его разбрасывал,
Не церемонясь с ценными артефактами;
Ему Гомер Илиадой путь указывал,
И мрак сомнения «освещал факелом».

Женщину, что его сопровождала,
Такая волна эмоций смутила.
Наблюдая, ту грань она искала,
Что на надежду и гнев его разделила.

Он среди сотни своих находок
Мистическую драгоценность искал, —
Не трофей и не самородок —
О какой Гомер в Илиаде слагал.

И вот его лицо озарила
Долгожданной победы улыбка:
Явь мечту ему подарила,
Он не мог сдержать радость крика.

Среди золота великой Трои
Нашёл он сказочную диадему,
Что, согласно легенде, или истории,
Венчала голову самой Елены.

Этот искатель, наш герой, —
Археолог-самоучка Генрих Шлиман.
Он с детства шёл за своей мечтой,
Находя верный путь по книге.

Лишь тот мечты своей достоин,
Кто реальностью её рисует,
Ведь легендарную Троицу
Учёные считали абсурдом.

И что попытки Генриха тщетны,
Археологу руки напрасно они опускали;
Им таинственные ответы
Лишь больше вопросов задавали.

Она – как мифическая Атлантида,
Что загадкой погребла эра.
Считали, что никто её не видел,
Что это плод воображения Гомера

Но искатель был из тех,
Кто не останавливался перед целью.
Он в насмешках не слышал смех,
И в очаг мечты бросался ветром.

В раннем детстве маленький Генрих,
Едва только научившись читать,
Не замечая времени в освещении бледных,
Мог вечерами страницы листать.

Ночь колыбельную ему пела,
И часы пролетали птичьим клином,
Когда великую «Илиаду» Гомера,
Щурясь, читал он перед камином.

Он был полностью погружён
В ту далёкую эпоху,
Он явь воздвигал миражом
И эмоции выражал вздохом.

Однажды, увлечённый чтением,
Не услышал, как его зовёт отец.
У того закончилось терпение,
И он закрыл сыну сиявший ларец.

В тот тихий поздний вечер
Был Шлиман – старший раздражён.
Гнев в душе оставлял увечье,
И словом он был вооружён.

Отец служил Пастером
В небольшой местной церкви,
Он был будто в рабстве,
Для него краски меркли.

Невзирая на духовный сан,
Он постоянно был слегка опьянён,
Он не восклицал алкоголю осанну,
Но и против него не был он.

Подошёл к читающему сыну
И небрежно вырвал книгу,
Злость порождала силу,
Ведь малыш пренебрегал религией.

Голос эхом пронзил душу,
Якобы, эти строки не правы:
«Я изгоню эту ересь и чушь,
Что съедает твой ум, словно отрав!»

С этим ужасающим криком
Он кинул книгу в камина пламя.
Видом пожирающих бликов
Мальчик был в сердце ранен.

Генрих, как замороженный, с болью
Смотрел на пылающий огонь
И видел, как в нём горела Троя
И тот обманный подаренный конь.

Слёзы сдержать было трудно,
Как и стон души во вздохе.
В мимолётные секунды
Пламя возродило сюжет эпохи:

Много времени тому назад,
Там, где судьбы короткой линией,
Древние мифы гласят,
Что красоте Елены все завидовали.

Прекрасна она во взоре
И безумно красива душой,
Вместо следов лепестки розы
Она оставляла за собой

В её манящих глазах
Все мужчины мечтали утонуть,
На её пряных устах
Сладостно хотели окончить путь.

Кто лишь единожды узрел её очи
С длинными ресницами,
Тот жил с её ликом, к сердцу приколоченным.

В неё невозможно не влюбиться!

Ей посвящали кровавые победы
Самые лучшие воины в боях.
Поэты, что о красоте её ведали,
Не могли её выразить в стихах.

Буквы цветами распускались,
Когда выводилось её имя,
И ноты на крыльях к небу поднимались,
Поднебесье украшено было ими.

Локоны её благоухающих волос —
Словно переплёт солнечных лучей.
Восторг, объятый восхищением, превознёс
Бриз, в лагуне отражая танец свечей.

О её прекраснейшем лице
Слагали стихи и баллады,
Раздавались влюблённых душ крики,
О ней мечты звались усладой.

Её эротично манящая фигура
Описанию не поддаётся словам
Не в силах выразить и Амуру
То, что было на зависть Богам.

Но красивые снежинки
Обычно в грязи тают,
И, сдерживая слезинки,
Она вышла замуж за Менелая.

Он был царём Спарты
И прославленным воином,
Но жизнь тогда тасовала карты,
И козырь доставался достойным.

Зависть богини Афродиты
К прекрасной земной Елене
Была волной о скалы разбита,
Ведь она не рождена из морской пены.

Лишь богиня может быть совершенством,
И не должно быть её лика прелестней,
Но Афродите терзала и ревность —
Она к Елене ревновала Гефеста,

И месть свою устроила так:
Менелай уехал в военный поход,

А в Спарту прибыл прежний враг,
Чтоб миром над ними сиял небосвод.

Гостями были два царевича
Из великой и могучей Трои,
Один сказал: «Воевать нам незачем!
И так уже пролили много крови!»

Это произнёс Гектор могучий,
Старший сын царя Приама.
Он боям на мечах и словах был обучен,
И всегда говорил прямо.

Он – лучший воин Трои,
Но в душе его звучала лира;
Не тот герой, кто в крови чужой тонет,
А тот, кто силён и желает мира.

Предложение всем по нраву,
И началось пиршество и веселье.
За столом Елена, жена Менелая,
От влюблённых глаз была в смущении.

Младший царевич Парис
Не мог свой взор отвлечь,
Душа его ринулась ввысь,
А плоть потеряла дар речи.

Он слышал те баллады
О её божественной красоте,
Но никогда ещё от взгляда
Он не был на такой высоте.

Она – вершина вдохновения,
Откуда гипноз совершенства виден,
В памяти неистребимое мгновение,
Её лик источал флюиды.

Удары его плененного сердца
До кипения разгоняли кровь,
Он не мог насмотреться
На, ту чьё имя – любовь.

В её поведении и лике
Зеркально взаимность отразилась;
Под шумные пляски и крики
Парис и Елена уединились.

Их влюблённые взгляды

Друг в друге тонули,
Они небесное блаженство познали,
Предвкушая пряность поцелуев.

Её нежнейший поцелуй —
Это свежесть оазиса
В душе пустыни так цветут,
Как даже в мираже не покажется.

Гелиотропом благоухает
Каждый локон её волос,
Восторг желание пробуждает
Лепестками нежнейших роз.

Выделяя фигуру дивную,
Шафрановый пеплос пылает;
Красоту олимпийской богини
Елена собой затмевает.

Скромно-милая улыбка,
Что до этого дня была скованна,
И ямочки её блаженного лика
Были им расцелованы.

Вспыхнуло страстное пламя
И они поддались искушению.
Одарил Париса прекрасными дарами
Пеплос лёгким скольжением:

Она перед ним предстала
Обворожительная, полностью нагая.
Она бы и слепца очаровала,
Луна светила, с восторгом на неё взирая.

Порыв ветра отбросил тяжёлую занавесь
И ворвался в открытое окно,
Он Парису выражал свою зависть,
А Елене открыл взор на небесное полотно.

В мрачной ночной пасти,
В глубине незримой темноты,
Звёзды ликовали контрастом.
Отражая свет нежнейшей луны.

Их отблеск бликами сиял,
Из всей гаммы выделяя её лицо,
Ветер крылья расправлял
И осыпал её звёздной пылью.

Парис поднял её на руки
И положил на царское ложе,
Ночь окутали приятные звуки,
Они были ни на что не похожи.

По взмаху пером поэта
Ноты волнами соединились
И в поднебесье где-то
Вокруг струн лиры они обвились.

Ночь лирикой объята,
Облака – как сливки взбитые,
Вдохновением Эрато
И улыбкой Афродиты.

Все плавные изгибы
Грациозного движения
Луна тенью откинула,
Зеркальным отражением.

Не под своей уже властью
Дыхание до стонов возрастает,
У искушения в рабстве
Они сладостно прибывают.

Шелка воздушной постели
Она в кулачках сжала
Когда над пламенем они летели,
Где страсть их пыл раскаляла.

По ступеням экстаза
Они шли путём млечной дороги
К звёздам в небесной вазе,
Где наслаждение сплелось с восторгом.

Бурная ночь их с ума свела
Страстно-эротичной усладой.
Обездвижено-усталые тела
Были в ожидании душ возврата.

С сиянием небесного сапфира
Солнышко утро озарило,
С птицами ноты лиры
Нежно влюблённых пробудили.

Парису нужно было как можно скорей
Покинуть Елены покои,
Но он был готов сгореть
От чувств, что зовётся любовью.

И тогда он ей предложил
Уплыть вместе с ними:
– Дай мне руку, и бежим
Туда, где двое станут единым!

Я не смогу без тебя!
Уж лучше здесь я умру!
Не проживу я и дня,
Не узрев твою красоту!

Но промолвили её уста
Дрожащим шёпотом:
– Здесь я – пламя у костра,
И душа моя в дыму и копоти.

Я жена по принуждению,
И меня растаптывает страдание.
Свету не быть в затмении,
Даже по огромному желанию.

Я ещё никого не любила
И не готова была к любви,
Слушала пустое эхо в груди я,
И не было огня в крови.

Но при первой же встрече
Наших с тобой взоров
Я подумала о вечном...
Любовь, не поддаётся законам.

В моих глазах тонули муки,
Последнюю надежду разрушив,
Я почувствовала, как взялись за руки
Наши, уже влюблённые, души.

– Я безумно полюбил тебя, —
Парис Елене сказал.
– Люблю безумно тебя и я, —
Её голосок прошептал.

И снова сладостно слились
Их губы в поцелуе,
Поднимая души ввысь,
Туда, где ветер свободой дует.

Они мыслями блуждают
Там, где грёзы в мире снов,
Ничего вокруг не замечают;

Любовь сильнее всех разумных умов.

Парис с родным братом,
Чьё имя Непобедимый Гектор,
Держат путь обратно,
Им дует попутный ветер.

Команда на борту
В работе дружно и синхронно
Умываются в поту,
Но от мозолей их рукам не больно.

Богровым бархатом распускает
Сакуру в поднебесье закат,
Собой лагуну он ласкает
И бризом вдыхает её аромат.

Отныне всё должно быть хорошо,
Гектор про себя подумал,
Мир в Спарту и Трою пришёл,
И никто от мечей не умер.

Но его настороженно подозвал Парис:
– Ты можешь меня возненавидеть,
Нам нужно спуститься вниз,
Ты должен это увидеть!

По просьбе своего брата
Гектор вниз спустился,
И тут же попятился назад он
И удивлённо возмутился.

Он увидел ту Елену,
Спарганскую супругу Менелая
– Неужели она пленна,
И твоя любовь её украла?

Ты что ж натворил?
И что теперь будет?
Я едва войну предотвратил,
Как вновь ветра её раздуют!

Гектор дал суровый указ
Повернуть судно обратно,
Не видя у влюблённых глаз
Скрытые слёзы брата.

Парис Елену держал за руку,
Как за последний жизни волосок.

– Пред тобой, брат, на колени я рухну!
Не отнимай мой воздуха глоток!

Неужели ты не слышишь
Как душа моя кричит?
Ты ведь супругой своей дышишь,
И эхо ударов сердца к ней мчит!

Обожаемая Андромаха
Тебя с любовью ждёт,
Но руки твоей один взмах
Мою судьбу надвое рвёт.

Одумайся, тебя прошу,
Не иди у гордости на поводу!
Никуда её я не пущу,
Или с ней вместе я уйду!

Пусть ожидает там нас смерть,
И мы на встречу к ней пойдём.
В глаза друг другу будем мы смотреть
И в объятиях умрём.

Пусть кромсают плоть мечи,
И всё омоет нашей кровью,
Но эхо никогда не замолчит
Крика, брошенного любовью!

Прошу пойми ты, брат,
Войне быть суждено!
Даже листая страницы назад,
Видно когда начало её рождено.

Не так важна Менелаю Елена,
Как его брату Агамемнону.
Поставить Трою на колени
Его желание неизменно

Пойми, не любит она его
И никогда не любила.
Ей в душу он плюёт,
И свет любви он ей затмил.

Признаю, он без ума
От её божественной красоты,
Но её душевная струна
Поднимает ноты не для его высоты!

Гектор, выслушав его,

Сказал прекраснейшей Елене:
– Свет лика твоего
Сделал Париса пленным.

Любовь ли всё это?
Любишь ли его ты?
Шёпот строками поэта
Долетает ли до твоей высоты?

Чем ты это можешь доказать,
И зачем вам это всё?
– Любовь словами не передать,
Она глубокий смысл несёт.

Я люблю его так же,
Как любит меня и он,
И мне вовсе не важно,
Он нищий или занимает трон!

За весь тот диалог
Они, не разжимая рук
И не слушаясь ног,
Стоят под единый сердечный стук.

Пошла ли она навстречу любви,
Или была принуждена Афродитой,
Но уже отплывали корабли
И не изменить ход событий.

И тогда Гектор решил,
Нет смысла спорить с любовью —
Над ней суд Богов вершил,
И они путь держали в Трою.

Подплыв к её причалу,
Елена искренне удивилась,
Узрев те стены величавые,
Какими Троя гордилась.

Встреча царевичей
Была демонстративной,
Слетелись все птицы певчие
Под свежесть прошедших ливней.

Первым Гектор подошёл
К царю и отцу Приаму,
Тот на встречу с трона сошёл,
Промолвив: «Мы сами себе роём яму.»

Сын, кто это с вами?
Неужели та самая Елена,
Что красотой одарена богами,
У какой любовь бежит по венам?

Прошу, объясните мне,
Как всё это понимать!
Мы раскаляем гнев
В тех, кто жаждет воевать.

Вы были посланы туда
Во благо долгожданному миру,
Дабы не грянула война
И чтоб не навлечь ту силу.

А вы приблизили Ареса пробуждение,
Сурового Бога войны,
Он жаждет нашего падения
И кровью стены омыть.

Перед царём пал на колени
Младший его сын Парис:
– Отец, я люблю Елену!
Прошу, ты с этим смиришь,

Войны нам не избежать,
И причина тому – золото!
Ты нас учил мечом побеждать
Там, где дипломатия растоптана.

Я готов погибнуть за Трою
И во имя большой любви!
Ведь я сейчас живу любовью,
О которой Богов молил.

Холодом пронзало моей жизни нить,
И только сейчас я смог согреться.
Как царь, ты можешь меня казнить,
Но пойми меня, как мужчина, ты!

Приам велел подняться сыну,
И глубоко задумался он,
Его взор владения окинул,
И величием воссиял трон.

Он смотрел на тех людей,
Кого окружают могучие стены,
И увидел облака в форме двух лебедей,
А в них узрел Париса с Еленой.

И тут он промолвил:
– Быть войне во имя любви!
Пусть в будущем украсит история,
Как высшее чувство топит в крови.

Пусть уста двух влюблённых
Насытятся пряностью поцелуев,
Пусть каждый вдох будет окрылён
Чувством, что Эрато лирично рифмует!

Согласна ли будешь ты,
Не по указу царскому,
Но по зову своей души
Стать Еленой Троянской?

Друзья превратятся во врагов,
И пусть зверем одичает
Каждый, кто будет против того,
Что вас сама любовь обвенчает.

Елена счастливо улыбнулась,
Озарив блаженством Трою,
Париса взором коснулась,
Сердца заполнив любовью.

– Я плыла сюда для того,
Чтобы здесь остаться,
В объятиях Париса моего,
И стать Еленой Троянской!

Вся Троя радостью ликовала.
Венчание на следующий день назначили,
Так как с дороги они устали
И хотели банальное превратить в иначе...

Закат небо бархатом укрыл,
На глазах темнея.
Лунный свет к земле плыл
В отблесках звёздной аллеи.

Поцелуи в нектарной сласти
Нежно и плавно утопали,
Ночь в жажде страсти
Дурманом от земли их поднимала.

Царевича роскошное ложе —
Это пышность облаков,
На нём появлялись лепестки розы

Подарком от влюблённых Богов.

Благоухание сливается со стонами
И погружается в глубину души
И оттуда с феромонами
Растворяется в ночной тиши.

Влюблённых душ невидимый творец
Направляет ритм, ликуя;
Сливается единое биение сердец
С нежными поцелуями.

Эхо на крыльях порхает,
Со стонами в ладонях,
Дню небо ночь дарит,
Вздохами утопая в благовоньях.

Страсть в порыве жажды
Растворяет страх и холод,
Она повторяет дважды
Те шаги, что в поднебесье уходят.

От поцелуев и объятий,
В переплёте ласкающих рук,
Стонами вился над кроватью
Наслаждения блаженный звук.

Но даже блуждающая вечность
Иногда проходит над обрывом,
Чтоб её совершенство
Новой волной омыло.

Собой она вдохновляет
Тем, что невидимы её титры,
Вновь круговорот вращает,
На часах не замечая цифры.

Вечность, равно как птица,
Прекрасно – грациозен её полёт;
Нескончаемое вновь повторится
И уже никогда не умрёт.

Сквозь пелену долгой ночи
Пробивается первый луч,
Темноту разрывая в клочья,
И рассвет озаряет танец туч.

Готовится к венчанию Троя;
Радости новой жизни нет предела.

А по другую сторону моря
Спарта по-иному на ситуацию смотрела

За честь царя Менелая
Вступился его брат, Агамемнон,
Две огромные армии объединяя.
Но не каждый воин им был предан.

Была у Спарты гордость,
В лице мощи и грации воина,
Азартная его молодость
Была всех подвигов достойна.

Он силой Зевса был одарён
Молниеносными ударами с небес
И был балладами восхвалён
Как непобедимый Ахиллес.

Он редко подчинялся приказам,
И для него не существовало царей,
Война не пугала кровавым оскалом,
И взгляд смерти его делал смелей.

Пока цари Спарты
Собирали воинов в поход,
Ахиллес был в споре с азартом
Но штиль не остановит шум бурлящих вод.

Ему не нужна пролитая кровь,
Приносящая смерть и горе,
И это не был призыв Богов,
Он жаждал оставить след в истории.

Он прекрасно знал,
Что его слава рядом где-то,
И к ней его призвал
Троянский царевич Гектор.

Его великие подвиги в боях
Восхваляли все от мала до велика,
Его сила измерялась в морях,
Его за руку вела сама Ника.

Ахиллесу только об одном мечталось:
Нанести поражение Гектору,
Чтоб история Ахилла восхваляла
И имя его обессмертила.

И не по приказу царей,

А во имя собственной славы,
Чтоб солнцем выйти из теней,
И крылья Ника над ним расправила.

Он пришёл туда, где был сбор.
Цари не малый флот собрали,
Но в погоде был затор —
Со штилем волны засыпали.

Агамемнону нужна война
И победа любой ценой,
А Менелаю нужна та одна,
Кто нарушала сердечный покой.

И пусть не любим он ею был,
И вдвойне не люб сейчас,
Никак не угаснет его пыл,
Даже когда нить оборвалась.

В нём кипела кровь,
И два лика он мог отразить:
На одном цветёт любовь,
Другой яростной мезтью грозит.

Глаза Агамемнона алчностью искрились,
И жадность подлая его звала.
И два брата договорились,
Сделка была такова:

Золото за Троянскими стенами,
Всё себе он забирает,
А предательница Елена
Достанется Менелаю.

Чтоб локти не кусать,
В бой рвались два брата,
Но спущенные паруса
Были штилем объяты.

Агамемнон обратился к Калхасу,
И прорицатель увидел ужасное,
Промолвив такие фразы:
«Над нами Боги властны!

Это Артемида, богиня охоты,
И покровительница зверей,
Причина в гавани стоявшего флота,
Что утопает во мраке теней.

Она разгневана тем,
Что ты убил её священную лань,
Ты должен пожертвовать всем,
Чтоб разгладить небесную ткань.

Чтоб штиль моря покинул
И вновь ветра запели,
Ты должен умиловить богиню,
Принеся в жертву дочь Ифигению.»

Ошеломлённый Агамемнон,
Уступил требованиям войска;
Царь у свирепства был пленным
И самого себя он был в поиске.

Отступать значит сдаться,
А это жалкая трусость,
Но больно в глаза горю улыбаться,
Осознавая масштабную глупость.

Его изнутри разрывает
Любовь к единственной дочке,
Душа истерично рыдает,
Из бутона не появиться цветочку.

Солнце светит тьмою,
Им невозможно согреться,
Облик оживает за пеленою
Мимолётным детством.

Молитвами было вымолено
Долгожданное её рождение,
Перед выбором красивого имени
Душа предвкушено пала на колени.

Пробудила дремлющая память
То, о чем счастье может плакать.
Он в омуте восторга плавал,
Когда впервые назвала его папой.

Тогда тонкий голосок пронзил
Его бесчувственно-каменное сердце,
И он совсем по-иному зажил,
Для отцовской любви найдя место.

За каждую её счастливую улыбку
Он хвалу Олимпу восклицал,
Таяли в душе его льдинки,
Когда лик её милейший созерцал.

Сверкая молниеносными бликами,
Книгой листались былые года,
Сердце разрывало ужасными криками,
И солью поглощалась вода.

Безвыходность терзает изнутри,
В глаза смотрит любящая дочка;
За спиной ждут ветра корабли,
И где-то нужно ставить точку.

Войска рвутся в кровавый бой
И жаждут Агамемнона решений.
Распорядившийся судьбой,
Он тишину создал в мгновение.

Те вопросы, что встают ребром,
Не всегда находят ответы.
Каждый задумался о своём,
У кого есть семья и дети.

Даже те, кто войнами живёт,
Проливая реки чужой крови,
Каждый из них осознаёт,
Что нет острее душевной боли.

Агамемнон подозвал пятилетнюю дочку
И играючи с ней уединился.
Поцеловав её румяные щёчки,
Взмахом меча обряд совершился.

Он вышел оттуда иной,
И был в себе потерян.
И вот, как по взмаху рукой,
Проснулся дремлющий ветер.

– Папа, тебя я люблю! —
Не услышит он слов этих милых;
Ифигения приняла судьбу
Из патриотических мотивов.

Морскую и небесную гладь
Возмутил разгневанный ветер,
Он в клочья готов разорвать
Из туч небесные сети.

Злой волчицей завыв,
Он дул ещё сильнее.
Его могучий порыв

Гнал не одну сотню кораблей.

Вдаль взволнованно смотря,
Плывёт с великим Ахиллесом,
Расправив два крыла,
Патрокл, его друг детства.

Он словно к солнцу тянулся,
Ахиллесу во всём подражая,
И, чтоб к свету тому прикоснуться,
В себе он смелость пробуждает.

Флот стрелой из лука
Направлялся к своей цели,
А в Трое мечи расслабили руки,
К венчанию птицы прилетели.

Влюблённый царевич Парис
К ногам прекрасной Елены
Душой пал и молился
Её красоте совершенной.

Он слугам велел подать
Всё золото Трои
Оно должно на той сиять,
Кто всего высшего достоин.

Елена под покровом тайны
Уединилась и примеряла,
Выбирая самое шикарное
Украшение из щедрого дара.

Её внимание привлекла
Диадема из чистого золота,
Ею решила украшать она
Прекраснейшую из смертных голову.

Диадему с волнением надела,
Себе добавив блеском красоты;
Зеркало едва посмело
Отразить прелесть сквозь мрак пустоты

Дивной фигуры каждую грань
Подчеркивал белоснежный пеплос,
Будто к небесам прикасалась ткань,
Воспевая неземную совершенство.

Невеста вышла в шикарном наряде,
Разорвав судьбы невидимую ленту,

Утопая в его восторженном взгляде,
Парис вечность ждал того момента.

Они друг друга взглядом нашли,
А их души навстречу бежали,
Они к алтарю ещё не подошли,
А души уже за руки держались.

«Это истинная любовь! —
Воскликнул Приам, —
Она спустилась из снов,
Её восторг неподвластен словам!»

Прошёл обряд венчания:
Теперь они муж и жена,
Они одной нотой зазвучали,
Словно небесной лиры струна.

Гекуба, мудрая царица,
Большой любви им пожелала.
– Я мать царевича Париса,
Теперь и твоя, Елена, я мама!

К поздравлениям присоединились
Гектор с супругой Андромахой:
– Желаем, чтоб сердца в одном ритме бились,
И чтоб крылья парили единым взмахом!

Речь произнесла и Брисеида,
Сестра Гектора и Париса:
– Пусть с высоты будет мир вам виден,
И пёстрый путь укажет птица!

Волнением промолвили уста
Великого царя Приама:
– Жизнь начать с чистого листа
Желаю я от души вам!

Пусть ваш путь освещает солнце,
И звёзды украсят ваши ночи,
Пусть счастье и любовь преклонятся
Перед вами, сын мой и дочь!

Молодожён манящие губы
В сладком поцелуе слились,
И их любви сосуды
Через края лились.

Народ Трои пел и ликовал,

Радости не было предела.
Вином любви был наполнен бокал,
И все от него захмелели.

Под шум и пляски
Елена в объятиях Париса
Дорогой в яркую сказку
Предпочли уединиться.

Он подхватил её на руки,
Она, как снежинка, легка,
Амур выпустил стрелы из лука,
Любовью воссияв на века.

Он опустил её на ложе
В царском апартаменте,
На небеса всё было похоже,
Будто тучки взбивал лёгкий ветер.

Поцелуи казались не в силах
Накал желаний насытить,
Страсть их собой поглотила,
Искушение они жаждут до дна выпить.

На фоне её красоты и грации
Тускнеет животная похоть,
Но тот зверь, что порой вырывается,
Неподвластен разуму и плоти.

В незаметном шаге времени
И ослепительного мига
Отстающий повтор тени
Обнажил скрытые страницы книги.

Заполонили пустоту тишины
Несдерживаемые стоны,
Страстным пламенем сожжены
Те вскрики, что в эхе тонут.

Даже на серых скалах
В те блаженные минуты
Нежные цветы распускались
Вопреки природной смуте.

Зацвели северные льдины,
Из пустоты возрождая блаженство;
Слились в одно единое
Стать и совершенство

И вновь огни пылают
Вспышкой желанного жара,
Влюблённые вкушают
Пряности пожара.

Ночь сворачивает плед
И тушит яркие звёзды;
Лучи солнышка озаряют рассвет
Виноградными гроздьями,

И отблесками тепла
Они играют с зеркалом,
Как по взмаху пера,
На стенах тени меркнут.

Влюблённые в объятиях,
Не ощущая усталости,
Во снах приятных
Продолжают пребывать в сладости.

Не долгий тот сон
Бодрость утра пробудила.
Отбросив занавесь окон,
Бриз влетел, расправив крылья.

Он сливался свежестью морей
С их бурлящими феромонами,
Дню не скрыть тайны ночей,
Где эхо продолжает жить стонами.

Белокурые локоны её волос
Укрывали грудь Париса,
На глазах таял свечей воск,
Их огонёк танцевал с бризом.

В шуме бегущих волн
Лирикой поэты шептали,
Они молвили о том,
Что влюблённые без конца повторяли.

Обнимая песчаный пляж,
Их шёпот с ветрами пел
Про тот красоты мираж,
На какой Амур с восторгом смотрел.

Влюблённые проснулись
И вышли из апартаментов,
В небесах тучи качнулись
Качелями лёгкого ветра.

Праздник ещё ликовал
В неугомонной Трое.
А вдали ветер флот подгонял,
Разрезая гладь моря.

Сотрясая тропы небесные,
Мчали сотни кораблей,
С ними сила и мощь Ахиллеса,
Любовь и месть царей.

Помогают поднять паруса
Ветер, что в скорости лидер,
Маленькой Ифигении сомкнутые глаза
И власть умилованной Артемиды.

Держат в Трою они скорый путь,
И долгими кажутся сутки,
Агамемнон едва смеет веки сомкнуть
И сну отдаться в руки,

Как вновь там лицезреет
Свою маленькую дочку,
Она ароматом жизни веет,
В букет собирая цветочки.

Она вприпрыжку бежит
И шепчет впопыхах:
«Папочка, я хочу жить!»
И боль слышна в её словах.

А он слёзы проливает
И не может слова подобрать для ответа,
Почему так бывает,
И почему променял её он на ветер.

Он рухнул на колени
И, как ребёнок, рыдал:
«Не выйти мне из той тени,
Какой на себя я сам пал.»

Её маленькие ручки согревает
И целует её щёчки
И без конца повторяет:
«Прости меня, родная дочка!»

Он к себе её прижал,
Почувствовав, как кровоточит её рана,
И, подобно миражам,

Вместо Ифигении стояла лама.

Вновь с испуганным вскриком
Он очнулся ото сна,
В груди с львиным рыком
Проклинал он сам себя.

Вновь тот же ему снился сон,
Но слёзы лились наяву,
Подавлен мыслью был он,
Что с этой болью жить ему.

Ненависть к Трое возросла,
И месть жаждет расправы,
Злостью налились глаза,
И в них отразились пожары.

За подлость царевича,
За предательство Елены,
Жаждал он встречи,
Чтоб поставить Трою на колени.

Кровожадная месть
Гордостью вела его за руку,
Он из стальных нервов был весь
Как стрела в натянутом луке.

Зло пробуждает алчность,
И он уже подсчитывает золото,
В нём ликует жадность
И она трясёт его за ворот.

А Менелай сидел, как тень,
И в душе боролся сам с собой,
Вспоминая тот день,
Когда он встретился с судьбой.

Впервые созерцая Елену,
Во взоре распустились цветы,
Любовь побежала по венам,
А душа не побоялась высоты.

Она из бедной семьи,
Одета была в лохмотья,
Но жар мгновенной любви
Был сильнее его плоти.

Он к ней с осторожностью подошёл,
Но все же был властен,

Словом был вооружён
И действиями опасен.

Он почувствовал невесомый полёт,
Как ноги от земли отрываются,
И тогда спросил у неё:
– Как зовут тебя красавица?

Всем сердцем ответа ждал,
Она робко голову опустила
И чуть слышно прошептала:
– Елена моё имя.

Он не мог на неё насмотреться,
Словно в землю вросший, стоял,
Не в силах сдвинуться с места,
Потому что душой он летал.

Он увидел, как звёзды среди белого дня
На небосводе просыпаются,
И как нежно и любя
Небо земли касается.

Он взглянул в её глаза,
Что напоминали гладь океана
И увидел, в них таилась слеза
За ветвями цветущего сада.

И тогда подумал он,
Что она – как цветочек,
Неземной красоты эталон,
Огромного солнца кусочек.

Она – блик света, несущего
Тепло с небесной высоты,
Она достойна лучшего,
А не убогой бедноты.

И он сразу ей предложил
Стать его женой,
Мол, напрасно он жил
В глазах с серой пеленой,

Открыла она ему взор
И в сердце его вошла,
А ведь там с давних пор
Царили мрак и тишина.

Она в ответ улыбнулась

И громко вскрикнула: «Нет!»
Его сердце содрогнулось,
И померк во взгляде свет.

Она была слишком красива,
Чтобы просто её упускать,
И, к тому же, слишком спесива
И посмела царю отказать.

Себя укоряя с ненавистью,
Он всё это вспоминал,
Как, не интересуясь взаимностью,
С собой он её обвенчал.

Он к её ногам бросил золото
И сердце, где бурлит его кровь,
А она заявила гордо:
– Не купить тебе любовь!

Для неё он был чудовищем,
Но ей некуда было деться,
Осыпанная сокровищами,
Золотой клетки пленница.

Он искренне ею жил
И её присутствием наслаждался,
Он действительно любил
И только ей он улыбался.

А она, стиснув зубы, терпела
И плакала ночами,
Его жизнь радостно пела,
А жена пожимала плечами.

Но то, чего он боялся, произошло,
Когда небеса звёзды зажгли
И всем препятствиям назло
Две любви друг друга нашли.

Елена предательски сбежала,
А Парис подло её увёз,
Царская корона едва сдержала
Яростный накат слёз.

Он резко открыл глаза,
Очнувшись от воспоминаний,
И сквозь зубы прошептал:
«Они ответят за все страдания!»

Корабли уже подходили
К цветущим берегам Трои,
Ветра над ними выли,
Неспокойствием будоража море.

Но всех стрелой опередил
Корабль с чёрным парусом,
Он волны мечом рубил
С оскалом злейшего хаоса.

Адреналин порождает эмоции,
Затмевая нарастающий стресс, —
Это были Мирмидонцы
Под началом непобедимого Ахиллеса.

Жажда громкой победы
Злостью наливает глаза,
Им боль и страх неведомы,
Их в бой ведёт азарт.

Им покровительствует предок Ахиллеса:
Мирмидонцы – они же муравьи,
Которых громовержец Зевс
Когда-то в жизнь воплотил.

А дед Ахилла звался Эак,
Сын Зевса и Эгины, —
Божественный знак,
Людам данный на погибель.

В одну мрачную и тихую ночь
Земли коснулись громовержца стопы,
Зевс, похитил прекрасную дочь
Речного Бога Асопа.

Он унес её на остров Ойнопию,
Где даже для богов были незримы
Те их чувства глубокие,
Какие Зевс испытывал к Эгине.

Через девять месяцев
На свет появился Эак,
С небес спустилась лестница,
И яркий свет развеял мрак.

Плакал Божественный младенец,
Не призывая на поклон,
Он видел, как ковёр цветов стелиться,
И как они обвивают его трон.

Время таяло льдиной,
Был остров переименован божеством,
И Зевс нарёк его Эгиной,
А Эак провозглашен царём.

Никто не мог сравниться с ним
По всей огромной Греции,
Он всеми был любим
И всем был интересен.

Взаимная любовь к правде
Была превыше всего,
Когда справедливость встречала преграду,
То избирали его судьёй

Лишь великая Богиня Гера
Искренне ненавидела Эака.
Она наслала великое бедствие
На его величайшее царство.

Остров окутал густой туман,
И четыре месяца держался
Он взоры беспощадно пеленал,
Народ с трудом передвигался.

А когда южный ветер
Его разогнал своим дыханием,
Разразился мор великой смерти —
То был шёпот Геры проклинания.

Нанесло тлетворным туманом
Неисчислимое множество змей,
Впрыскивая яд в прокусанные раны,
Они истребили почти всех людей.

Они были непобедимы,
Не умирали даже от копья,
Остались целы и невредимы
Только Эак и его сыновья.

Воздев руки к синеве небес,
Царь громко воскликнул:
«Великий, эгидодержавный Зевс,
Явись ко мне божественным ликом!

Если ты был супругом Эгины,
Если ты действительно мой отец,
То почему же меня ты покинул,

И оставил пустым дворец?

Коль не стыдишься своего потомства,
То верни мне мой народ!
Пусть, как прежде, светит солнце,
И сияет синевой небосвод!

Жажду жизни я былой,
И вернуть тех, кто рядом были,
Или же и меня ты скрой
Во мраке гнусной могилы.

Ни к чему быть мне здесь,
Перелом в моей судьбе!»
Дал знамение Эаку Зевс,
Что он внял его мольбе.

Многоречивым безмолвием,
Властным Божьим тоном,
Сверкнула юркая молния
И раскатился удар грома.

В безоблачном небе
Прозвучали сердца ритмы,
Синеву делая бледной,
Была услышана его молитва.

Там, где молился он отцу Зевсу,
Посвящённый громовержцу дуб стоял
И, словно по зову сердца,
Туда Эак свой взор направлял.

А у подножия того дуба
Муравьями кишел муравейник,
И дружно в ряд, как зубы,
Каждый был вольный пленник.

Они строили свой дом
И запасались пищей,
Они в ногу шли с трудом,
Они – те, кого работа ищет.

Эак душой воскликнул Зевсу:
«Пошли мне трудолюбивых людей,
О, милостивый мой отец!
Пусть человеком станет каждый муравей!»

Лишь только промолвил это Эак
Как дуб при полном безветрии,

Сопровождая сердечный такт
Зашелестел могучими вѣтвями.

Это ещё одно знамение
Послал своему сыну Зевс:
Ночь настигла день затмением
И звёзды улыбались с небес.

Эак не видел сна чудней,
С восторгом смотря на священное древо
И видя, как каждый муравей,
Падая, превращался в юнца или деву.

Эака помиловали Боги,
Муравьи становились все больше и больше,
Выпрямляясь, поднимаясь на ноги,
Их чёрный покров превращался в кожу.

Но как только он проснулся,
Не поверил вещему сну,
Вновь пустоты душой коснулся
И, сетуя, обратился к отцу:

«Почему же не шлѣшь ты подмоги?
Неужели я обречѣн
На земле быть сыном Бога?
И Богами же заклеимѣн!»

Вдруг послышался странный шум —
Звук людских голосов смешался с шагами, —
И пришла мысль ему на ум:
Не сном было то волшебство с муравьями.

Вдруг вбегает сын его Теламон,
С волнением радостным говорит:
«Услышали Боги твой сердца стон,
Остров наш опять начал жить!»

Выйди же скорее, отец!
Ты увидишь великое чудо!
Солнце ярче светит с небес,
А под ним ходят живые люди!»

Вышел Эак из своих покоев
И увидел живыми тех,
Кто во сне воплощался из роя,
Наяву он увидел их всех.

Остров вновь возрождѣн

И каждый знает своё место,
Чудом был Эак поражён
И молитву вознёс он Зевсу:

«Благодарю тебя, отец,
За столь щедрые дары!
Я слышу биение тысяч сердец
Тех, кто с ветром упал со священной коры.

Мой остров станет их домом,
Их род пустит здесь корни!»
По небесам промчал раскат грома
И сверкнули юркие молнии.

Как один, сказали люди,
Доселе бывшие муравьями,
Что царём у них он будет,
И каждому слову его внимали,

Их взгляды были теплее солнца,
А сердца были преданностью полны;
Имя народу дано «мирмидонцы»,
Что означает – муравьи.

Он вновь возродил былую честность,
Для него это было главным,
И в старости приобрёл он вечность,
На земле оставив правду.

После смерти оставив шёпот шагов,
Подобно Миноса и Радаманта власти,
По воле олимпийских Богов
Он стал судьёй в подземном царстве.

Откуда солнышко лучи спускает,
Из синевы святых небес,
За людьми, придавая сил, наблюдает
Великий предок Ахиллеса.

С чёрным парусом корабль
Средь флота выделяет солнце,
Развевается непобедимое знамя,
Под которым плывут мирмидонцы.

На смерть идут достойно
Те, чьи предки – муравьи,
Они сильные и смелые воины,
И рвутся в бой, как львы.

Ахиллес подошёл к Патроколу
И полушёпотом сказал,
Чтоб меч пока не трогал он
Чтобы он не воевал.

Патрокл разгневался и изумился:
– Для чего тогда я здесь?
Для чего мечом владеть учился?
Меня влечёт победа, а не месть!

Ахиллес не хотел сдаваться:
– Покажешь ещё свою ты силу,
Я не могу одновременно драться
И следить, чтоб тебя не убили.

Пообещай, что не бросишься в бой,
Что угомонишь ты молодости пыл,
Много пролитой крови за моей спиной,
И шрам былой битвы ещё не зажил.

Посмотри в глаза ты этим воинам!
В их глубине ликует гнев,
В них нет жалости и боли
Там смерть терзает плоть, как лев!

Ты ещё молод, пойми.
Будет ещё не один военный поход,
А пока ярость ты устрани,
И дождись отстающий от нас флот.

Патрокл со злостью бросил меч
И с обидой уединился.
Он выйти хотел из-за Ахилловых плеч,
И вновь тенью за солнцем скрылся.

Их корабль уже подходил
К берегам великой Трои.
Во взглядах гнев застыл,
И все рвались в объятие боя.

А в те минуты Троянцы
Готовились к Спартанскому удару,
Они готовы обороняться
И души небу воздать разом.

Натянул тетиву у лука,
За стенами охраняя людей и трон,
С небес спустивший руки
Скульптурный Бог Аполлон.

Он для того и был воздвигнут
На пороге своего храма,
Чтоб в накалённо-горячие миги
Не дать образоваться ранам.

Приам пристально смотрел
На почерневшее от кораблей море,
Лик смерти не бледнел
Сама жизнь воскликнула: «За Трои!»

Возле высоких и могучих стен
Построилось конное войско,
Лучники целились, стоя с колен,
Стрелам в тетиве было скользко.

Разрезая синюю гладь небес,
Со свистом заполнив её тьмою,
Стрел со скоростью летящий лес
Жаждал спартанской крови.

Воины сошли с корабля
На сушу, прогретую солнцем.
Поймав блеск копья,
Ахиллес крикнул: «Вперёд, мирмидонцы!»

Завывая, ветер трауром запел;
Они из клетки бросились львами
Под дождь острия стрел,
Прикрывшись силой духа и щитами.

Небеса пронзают болью
Тех, кто под стрелами уязвим,
Кто песок своей первой кровью,
Окропил, а потом залил.

Раздавались крики бодрости
И возгласы пронзающей боли,
Смелость не уступала гордости;
Свои крылья расправило горе.

Звонким треском яркой молнии
Скрестились вражеские мечи,
Смерть жадно насыщается агонией,
И кровь пускает алые ручьи.

Слышны хрусты рваных ран
И костей, что глядят наружу,
Руки и ноги лежат по сторонам,

И небо заполняют души.

Мирмидонцы скромной армией
Трое наносят серьёзный ущерб,
От злости скрипя зубами,
Под развивающийся на ветру герб.

Будто танец лёгкого бриза
И мурашек морской глади,
Ахиллес вкушал пряность каприза,
Грациозно жизни мечом отнимая.

Пока мирмидонцы теряли людей,
Без войск Агамемнона и Менелая,
Ветер пригнал тысячи кораблей,
Чьи воины бросились волчьей стаей.

Топот Троянских лошадей
Поднял пыль дремлющих песков,
Жизнь чьих-то отцов и мужей
Смерть лишала волосков.

Мирмидонцы добрались до храма,
Воздвигнутому Аполлону,
Оставляя за спиной раны;
Ахиллесом была речь промолвлена:

«Мы – враги Троянцев
И их возвышенных Богов!
В поклонах и танцах
Не хватает кулаков!»

Остриё меча его блеснуло,
Резким взмахом руки
Нечтимость к святому прикоснулась
Протестам жрецов вопреки.

Статуя натягивала тетиву,
Ей, как идолу, молились.
В защиту не выпустив стрелу,
Голова по ступеням скатилась.

Мирмидонцев отразили лица
Гнев ополчённого небосвода,
По нему промчалась колесница
С раскатом сурового грома.

Спустился сильнейший ливень,
Каплями, словно кнутом, хлыстал.

Ахиллес необдуманно осквернил имя
В храме святого Божества.

Ветер непрерывно трауром выл,
А дождь не переставал лить,
Но раскалённой битвы пыл
Им не в силах было остудить.

Троянский царевич Гектор
Всё это сквозь битву узрел,
И он понял, что это не некто
А Ахилл безжалостно мечом владел.

В Гектора вселился яростный лев,
Он к храму пошёл напролом, один,
В меч свой направив пыл и гнев,
Спартанцев разил одного за другим

В глаза с отсутствием жалости
Смерть смотрела с сарказмом и лестью;
Не чувствуя боли и усталости,
В сердце, вырываясь, бьётся мезтью.

На ветер, что воем плачет,
Ахиллес с насмешкой плюёт,
И, будто с Гектором играючи,
Небрежно кидает в него копье.

Этим царевича он раздражил
И тенью скрылся в храме,
Гектор по теченью крови плыл
И молитву шептал устами.

Мгновенно идеальная тишина
Угостила яростный дождь,
Ветер прекратил тучи выжимать
И от воя нагонять дрожь.

Не пожимая от страха плечами,
Гектор и четверо его воинов
С окровавленными мечами
Вошли в священный храм Аполлона.

Туда едва проникает свет,
Лучам там негде приютиться,
И мирмидонцев там нет...
Не могли же они тенью раствориться!

Наяву оглядываясь сном,

Приготовив к битве мечи,
Крадясь, они идут впятером
В непредсказуемо-кромешной ночи.

Страх накаляет обстановку
И вдвое утяжеляет дыхание,
Искусство теряет сноровку,
Но инстинкт борется за выживание.

Страхом кулак мужества не разжать,
Как бы испуганно сердце ни билось.
Внезапно нарушилась тишина:
Мирмидонцы из пустоты появились.

Они будто из-под земли росли,
И вновь в людей их воплощал дым,
И налётом вихря головы снесли
Они всем сразу четверым.

Троянцы в объятия смерти пали,
Остался лишь Гектор в живых.
Мирмидонцы, на него мечи наставляя,
Рассеивали дымку вокруг себя иных.

Но смелость бесстрашного царевича —
Как Феникс, из пекла восставший,
И в желанной с ними встрече
Он жаждал отомстить за павших.

Но попытки его тщетны,
И шансы навязали тугих узлов,
Против сотни один Гектор
Бился на чаше колеблющихся весов.

Искрой юркой молнии
Из ниоткуда вырвался клич
Мрак светом наполнил он,
Воссиявший своим величием:

– Пусть каждый из вас опустит меч,
На них кипит страждущая кровь!
Те головы, что пали с плеч,
К боли призывают любовь!

Пробудите дремлющую жалость
И не будьте покорны смерти!
Она давно уже не видела старость,
Молодость отнимая порывом ветра.

– Ничтожно мал у душ наших вес,
Но слишком велика их потеря! —
Смело и мудро промолвил Ахиллес,
Остановив битву в мгновение.

Но царевич Гектор ему возразил
– Ты же сам кровожадней смерти!
И твой тщеславно-жаждущий пыл
Душами расправляет крылья ветру.

Для тебя чужая гибель —
Это глоток свежей воды,
Темнейший мрак – твоя обитель,
И реки кровью наполнил ты!

Сынов отнимаешь у матерей,
Из счастливых жён делаешь вдов,
В рабство отдаёшь дочерей
И заносчиво не считаешь Богов!

Ахилл резко ответил Гектору:
– Ты оскверняешь моё доблестное имя!
Да, расправляю крылья ветру
Душами тех, кого в бою сразил я.

Но не клевети про то рабство,
Невинных жён и их дочерей!
Лучи славы – моё богатство,
А остальное – то власть царей.

Не тебе ли, царевич, это не знать,
Что я – великий воин?
И не ради богатства иду воевать,
А за тобой пришёл я в Трою!

Могу я и сейчас тебя убить,
Но не узреют это цари и Боги.
Хочу свой след я сохранить
На все дальнейшие эпохи!

Не пришёл ещё тот час
Для скрещения двух сильнейших мечей,
Но он пробьёт для нас,
И поражённая голова падёт с плечей.

А сейчас тебя мы отпускаем,
Ступай к жене и младенцу-сыну.
Танатос, что плоть на куски разрывает,
Не отдаст твоих воинов души Аиду.

Гектор, отпущенный живым,
Добрался до своих воинов,
Ведь он тоже не победим
И лавр смерти примерит достойно.

Хаос бесконечного кровопролития,
Две воюющие стороны,
Превращая секунды в событие,
Решили битву приостановить.

Закатом скрывалось солнце
За ветреной ночи вуалью;
Ахиллес отозвал мирмидонцев,
А Гектор с войском отступали.

Кроваво-смертельным танцем
Всё шрифтом ложилось в историю
Побережье заняли Спартанцы
И шатры на песке распростёрли.

С одной стороны их защищают волны,
Что бурно гоняет ураган,
А с другой – заточенные брёвна,
Остриём направленные к врагам.

Ночь пронеслась, словно миг,
И заря содрогнулась под звёздами
Воины, что остались в живых,
Совершали обряд над мёртвыми.

Облака взмолились ветру,
Чтоб их души вечно не блуждали.
На глаза павшим клали монеты,
Чтоб те оплатили Харону переправу.

Гермес, сопровождавший умерших,
Вёл их в недра подземного царства.
Тартар ждал всех грешных,
А Элизиум – тех, кто добродетельным остался.

Гермес подводил к реке Стикс,
Следя, чтобы не потерялись монеты.
Он из картины возрождался в эскиз
И растворялся в объятиях ветра.

Со скрипом лодка подплывала,
И закутанный в черный саван скелет,
Повернув к ним голову, поймал

Пустыми глазницами блеск монет —

Это плата паромщику Харону
За провоз в царство мёртвых,
Его лодка скрипит со стоном
И слёзы выжимает из гордых.

Он переправляет их на другой берег
Великой и ужасной реки Стикс,
И каждый умерший не верит,
Что оплакивает его тот скрипучий визг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.